

УДК 821.111-94(73)+641.5

ББК 84(7Сое)-44+36.99

Б87

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Бремзен, Анна фон.

Б87 Тайны советской кухни. Книга о еде и надежде / Анна фон Бремзен; пер. с англ. А. Савиных. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2016. — 432 с.

ISBN 978-5-17-095063-8

Автор популярных в США книг о еде Анна фон Бремзен родилась в Москве. В школьном возрасте уехала из СССР вместе с матерью. Ее «Тайны советской кухни» посвящены кулинарным вопросам лишь отчасти. Прежде всего это история: история собственной жизни, история жизни семьи, история страны, воспоминания о любимом странной любовью и ненавистью, но не оставляющем прошлом — сквозь призму кулинарной истории. Как пировали в начале XX века, как голодали в войну, как мечтали о другой жизни за страницами «Книги о вкусной и здоровой пище», как тосковали по советской еде после отъезда. К каждой из десяти глав-десятилетий прилагается соответствующий времени рецепт.

УДК 821.111-94(73)+641.5

ББК 84(7Сое)-44+36.99

ISBN 978-5-17-095063-8

© Anya Von Bremzen, 2013

All rights reserved

© А.Савиных, перевод на русский язык, 2016

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Издательство CORPUS ®

Оглавление

От автора	7
-----------------	---

Пролог Отравленные мадленки	11
--	----

Часть I Пирсы, голод и мифы

Глава 1 1910-е: Кулебяка, или Последние дни царей	21
--	----

Глава 2 1920-е: Пирог дедушки Ленина	50
---	----

Часть II Лариса

Глава 3 1930-е: Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство	83
---	----

Глава 4 1940-е: Пули и пайки	115
---	-----

Глава 5 1950-е: Вкусная и здоровая	151
---	-----

Часть III Аня

Глава 6 1960-е: Кукуруза, коммунизм, икра	189
--	-----

Глава 7 1970-е: Майонез Родины моей	222
--	-----

Часть IV Возвращения

Глава 8	1980-е: Москва в забутылье	265
Глава 9	1990-е: Дружба народов	305
Глава 10	XXI век: День Победы	342

Часть V Тайны советских рецептов

1910-е:	Кулебяка	381
1920-е:	Гефилте фиш	385
1930-е:	Котлеты	389
1940-е:	Карточки	393
1950-е:	Чанахи	395
1960-е:	Кукурузный хлеб для Хрущева	398
1970-е:	Салат Оливье	401
1980-е:	Папин суперборщ	404
1990-е:	Плов	409
Двадцать первый век:	Блины	413
Благодарности		418
Избранные источники		421
Об авторе		427

От автора

Это документальная книга, сплетенная из семейных преданий и фактов и охватывающая десять десятилетий советской и постсоветской жизни. Насколько мне известно, здесь всё правда, хотя и пропущенная через фильтр субъективного восприятия героев. Некоторые имена изменены, другие я могла неправильно запомнить. Для краткости и придания динамики повествованию часть событий персональной истории была сокращена и немного подредактирована. Я очень старалась проверять личные воспоминания и семейные легенды на предмет соответствия более крупным историческим источникам и правильно восстанавливать даты, события и политический контекст. Однако некоторые из описанных здесь людей теперь состарились, а других уже нет с нами, и я прошу прощения за все пропущенные неточности.

Ларисе

Пролог

Отравленные мадленки

Когда мы с мамой вместе готовим, она всегда пересказывает мне свои сны. Мир маминых сновидений столь богат и насыщен, что она распределяет их по категориям: тягостные черно-белые картины сталинского детства, кишашие кагебешниками триллеры времен холодной войны, мелодрамы о любви и долге.

Мама во сне часто попадает в западню — должно быть, это дань жизни за железным занавесом, — но теперь, прожив в Америке сорок из своих семидесяти девяти лет, она застревает в приятных местах. Например, во дворце, запутанном, как лабиринт, и доверху набитом произведениями искусства, — точь-в-точь музей “Метрополитен”. Проработав всю жизнь учителем, на пенсии мама устроилась туда экскурсоводом. Сон яркий, как цветное кино, и в финале она спасается на оранжевом воздушном шаре, приземляясь в прелестном музейном кафе. А потом набрасывается на слойки с взбитыми сливками.

Но есть один давний-предавний сон, который она пересказывала мне сто раз. Самый символический. Как сейчас вижу: моя худенькая, коротко стриженная мама тихонько заходит ко мне в комнату. Я лежу в постели, проснувшись.

шись в безнадежной тьме советской социалистической зимы. У нас крошечная квартирка на окраине Москвы, в дрянной хрущевской бетонной коробке. Идет 1968 год, мне пять лет. Советские танки вошли в Прагу, от нас ушел отец, и мы переехали сюда из коммуналки возле Кремля, где была одна кухня на восемнадцать семей, а жизнь походила на книги Кафки. Мама, одетая в халат с голубыми васильками, садится ко мне на постель и, успокаивая, целует в лоб. Но в ее глазах такая тоска, такое неутолимое желание, что я тут же понимаю: она опять видела *тот сон*.

— Послушай, послушай, Анютик, — бормочет она, — я опять превратилась в ласточку ... Улетела из России, перелетела границу, и почему-то у меня никто не спросил документов. И вдруг я в Париже! *В Париже!* Кружу над бежево-песочными улочками, прямо как на картинах Утрилло. На крошечной *rive*, которая называется “улица Кота-рыболова”, вижу уютное кафе под ярким навесом. Снижаюсь, голова кружится от аппетитных запахов, все внутри дрожит — так хочется попробовать еду, присоединиться к посетителям...

На этом месте мама всегда просыпалась. Ни разу не попав внутрь. Просыпалась голодная, исходя тоской по недосыгаемому миру с той стороны границы. И по навеки недоступным ароматам.

Все счастливые кулинарные воспоминания похожи друг на друга, каждое несчастливое несчастливо по-своему.

Мы с мамой обе выросли в мире кумачово-красной сказки о социалистическом изобилии и богатых урожаях. Однако в нашей собственной памяти не было веселых кухонь, окутанных идиллической ванильной дымкой, и добрые бабушки не ставили по воскресеньям на стол золотистое жар-

кое. Буржуазные кексы на сливочном масле? О да, это я помню... Помню, как в нашей хрущобе мама читала вслух Пруста. Чувственные грезы этого француза нагоняли страшную скуку, но преследовала мысль о настоящем съедобном печенье. *Каковы на вкус эти диковинные капиталистические "мадлены"*? Мне безумно хотелось узнать.

Рассказ о советской еде неизбежно будет сагой о мечтах и неудовлетворенных желаниях. Что поделать, если самые яркие впечатления оставила еда, которую ты не пробовал? Воспоминания о грезях, пересказы чьих-то историй; лихорадочная коллективная тоска, плод семидесяти лет политической изоляции и нужды...

Я очень долго никому не рассказывала об этих воспоминаниях. Отвечая на вопрос, почему я пишу о еде, бодро излагала отрепетированную легенду. Как в 1974 году мы с мамой, но без отца эмигрировали из СССР и стали беженками без гражданства, зимних пальто и права на возвращение. Как я собиралась стать знаменитой пианисткой и окончила консерваторию и как из-за травмы запястья моя карьера оборвалась в конце 1980-х. Как в поисках нового занятия я почти случайно увлеклась темой еды — и ни разу не пожалела. После выхода моей первой поваренной книги — "Просим к столу", о кухнях бывшего СССР — произошло много хорошего: хвалебные статьи в журналах, другие поваренные книги, награды, почти двадцать лет путешествий и незабываемых трапез.

А вот о чем я рассказывала крайне редко: о записках с черепом и костями, наклепленных на кастрюли в бабушкиной коммунальной кухне, где соседи воровали друг у друга мясо из супа. О том, как в детском саду для детей членов ЦК я отчаянно давилась икрой: казалось, что вместе с рыбьими яйцами для партийной элиты я поглощаю и саму идеологию, которую мама-антисоветчица не переваривала. Не рас-

сказывала я и про женский туалет в 110-й школе, где я, начинающая девятилетняя спекулянтка в кусачей коричневой форме, за пять копеек позволяла одноклассникам потрогать бутылку кока-колы, которую друзья привезли нам из мифической *заграницы*. И про то, что по сей день за завтраком в отеле я борюсь с искушением утащить последний круассан со шведского стола.

Какой смысл признаваться, что я постоянно живу в двух параллельных кулинарных вселенных — в одной из них я по долгу службы дегустирую меню в таких ресторанах, как *Per Se* и *Noma*, а в другой в моей душе до сих пор царит магический образ простого банана — лакомства, достававшегося мне в далеком советском детстве не чаще раза в год?

Истории, которые я никому не рассказывала, и составили основу этой книги. На самом-то деле, из-за них я и стала писать о еде. Для бывшего гражданина трехсот-миллионной советской супердержавы еда никогда не была и не будет личным делом. В 1917-м хлебные бунты привели к свержению царя, а семьдесят четыре года спустя катастрофический дефицит продуктов помог спихнуть в пропасть рассыпающуюся горбачевскую империю. В промежутке от голода погибли: семь миллионов во время сталинской коллективизации, четыре миллиона — за четыре года войны с Гитлером. Даже в относительно спокойные времена, при Хрущеве и Брежневе, ежедневная задача “накормить семью” перевешивала почти все остальные проблемы. В одиннадцать часовых поясах, в пятнадцати национальных республиках граждане, сплоченные общей социалистической судьбой, стояли в очередях за продуктами. Тема еды — вечный лейтмотив советской политической истории, она заполняла углы и закоулки нашего коллективного бессознательно. Еда объединяла нас навязчивыми ритуалами советского гостеприимства — *больше селетки, больше Докторской Кол-*

басы! Всеобщей была зависть и ненависть к привилегированному меньшинству — жуликам и партийным пронырам, имевшим доступ к лучшей колбасе. Еда цементировала реальность тоталитарного государства и озаряла нашу жизнь светом мечты. Жизнь по большей части была серой и тусклой, иногда до абсурда смешной, порой невыносимо кошмарной, но нередко и радостной, полной наивного оптимизма. Как заметил один американский ученый, еда помогала русским смириться с настоящим, вообразить будущее и не терять связи с прошлым.

Этого прошлого больше нет. Оно исчезло после краха СССР. На месте нашей “социалистической Родины” — культурные развалины, археологические остатки советской Атлантиды. Но мы не можем расстаться с обломками. Поваленные безголовые статуи вождей, тетради-песенники и конфетные фантики, когда-то алые пионерские галстуки, грязные треугольные молочные пакеты, — мы цепляемся за них. В отличие от печальных руин, на которых в эпоху романтизма росла ностальгия по идеальному прошлому, это — обломки наших настоящих домов, наших собственных жизней. Для нас они наполнены смыслом: историческим, политическим, личным. И почти всегда — неоднозначным.

Я начала коллекционировать осколки социализма в 1974 году, в одиннадцать лет, вскоре после переезда в Филадельфию. Мама моментально влюбилась в Америку. А я? Я валялась на продавленном диване, читала “Трех сестер” и скулила вместе с героинями: “В Москву... в Москву”. Детские фантазии о капиталистических деликатесах разбились о первый обед в американской закусочной. Я давилась приторно-сладким капустным салатом и потрясенно взирала на ядовито-оранжевый сыр (это была *Velveeta*). Дома мама радостно плюхала кусок вареной колбасы *Oscar Mayer* на чу-

ждый *Wonder Bread*¹, а я томилаcь по ароматным кирпичикам московского ржаного и затхлому запаху дешевой “краковской”. В те первые месяцы в Филадельфии я едва не утратила чувство вкуса. Перестав быть политическим инструментом, символом гостеприимства, лишенная героического ореола недоступности, еда потеряла весь смысл.

Я мерила шагами нашу квартиру, повторяя горькие советские анекдоты про *дефицит*:

В магазине:

— Нарезьте, пожалуйста, сто граммов колбасы!

— Приносите — нарежу!

Еврея спрашивают:

— Почему вы эмигрируете?

— Надоели праздники. Достал туалетную бумагу — праздник, достал колбасу — снова праздник!

В Филадельфии не праздновали покупку колбасы *Oscar Mayer*.

Чтобы оживить вкусовые рецепторы, я принималась играть в такую игру: представляла, что сижу на даче среди колючих крыжовенных кустов, и мысленно консервировала и запакала вкусы и запахи советского прошлого, помещая их в воображаемую трехлитровую банку. Складывала в нее шоколадки “Аленка” орденосной фабрики “Красный Октябрь”. Печенье “Юбилейное” фабрики “Большевик” в красной бумаге, которое так мучительно растворялось в чае из желтой пачки со слонem. Мысленно разворачивала фольгу на мягких прямоугольниках сыра “Дружба”. Вонзала воображае-

1 Пышный белый хлеб для тостов в нарезке. (Прим. перев.)

мую алюминиевую вилку в заводскую панировку на котлете за шесть копеек, носящей имя сталинского наркома пищевой промышленности.

Однако мои ностальгические экзерсисы омрачала идеология. Сыр “Дружба”, колбаса, шоколадки — все это производилось советской властью, от которой мы убежали. Вспомнив Пруста в мамином исполнении, я нашла для них название. *“Отравленные мадленки”*.

Это — мемуары об отравленных мадленках. Мама, всегдашний соучастник моих кухонных авантур и мой связной с прошлым, придумала, как передать этот грандиозный раскол, этот непримиримый конфликт коллективистских мифов и личных антимифов. Мы с ней взялись воссоздавать через призму еды каждое десятилетие советской истории — от предисловия 1910-х до постскриптума наших дней.

И вот мы отправляемся на год в небывалое путешествие: станем готовить и есть, вспоминая декада за декадой советскую жизнь, а мамины кухня и столовая послужат машинной времени и инкубатором воспоминаний. Воспоминаний о военных продовольственных карточках и гротескных коммунальных кухнях. О кровавой ленинской продразверстке и застольных привычках Сталина. О кухонных спорах эпохи Хрущева и провальной антиалкогольной кампании Горбачева. О еде как центре нашего бытия и быта и, несмотря на нищету и дефицит, о навязчивом гостеприимстве и невестных, изысканных пиршествах.

